

Научная статья
УДК 338.28

Статья поступила в редакцию 21.09.2025;
одобрена после рецензирования 15.10.2025;
принята к публикации 21.11.2025.

Специфика проявления теневой активности в современной экономике и методы ее минимизации

Светлана Вячеславовна Зенченко

Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия

Аннотация:

Введение. Противодействие теневой экономике в условиях активного развития цифровых платформ предполагает наличие алгоритма отбора инструментов, который будет учитывать возможные поведенческие реакции налогоплательщиков на действия контролирующих органов. Данный алгоритм частично реализован в процессе внедрения в механизм налогового администрирования риск-ориентированного подхода. В настоящее время соблюдение налогового законодательства является индивидуальным выбором, на который влияет набор сетевых взаимодействий и внешняя среда. **Методы.** В статье при оценке неформальной занятости в платформенной экономике использованы данные национальных фискальных органов, для анализа влияния последствий пандемии COVID-19 на поведение налогоплательщиков и действия налоговых органов использовался метод ретроспективного анализа. **Результаты.** Появление платформенной экономики и последствия пандемии COVID-19 привели к тому, что простое внедрение инструментов контроля или ужесточение действующей системы налогового администрирования для повышения уровня налоговой дисциплины и сокращения масштабов теневой экономики неэффективно. Совокупность прямых и косвенных инструментов, имеющихся в распоряжении государства, необходимо интегрировать в единый механизм, действие которого рассчитано на долгосрочную перспективу. Общественные модальности могут быть реализованы для стимулирования и легитимизации отношений с налоговыми органами на основе создания общественных партнерств, предоставляющих финансовые стимулы. Организация доступа к таким стимулам должна учитывать возможность злоупотреблений налоговыми льготами. Конкуренция между цифровыми платформами является действенным инструментом в арсенале налоговых органов для мобилизации налоговых поступлений за счет сокращения масштабов теневой экономики. Финансовые стимулы для увеличения или развития клиентуры являются актуальными, особенно для малых предприятий, которые могут конкурировать на узких рынках с небольшой рентабельностью, т. к. они обладают высокой адаптивностью к технологическим изменениям и инновациям и могут стать сильной легитимирующей силой для налоговых органов, стремящихся уменьшить выгоду от схем уклонения от уплаты налогов с использованием цифровых платформ.

Ключевые слова:

теневая экономика,
платформенная экономика,
налоговый контроль,
налоговое администрирование

Для цитирования:

Зенченко С. В. Специфика проявления теневой активности в современной экономике и методы ее минимизации // Экономическая политика и национальная безопасность. 2025. № 2 (2). С. 53–63.

Информация об авторе:

Зенченко С. В. – доктор экономических наук, профессор
Северо-Кавказский федеральный университет
(Российская Федерация, 355017, г. Ставрополь, ул. Пушкина, д. 1)
профессор кафедры финансов и кредита
zen_sveta@mail.ru

Original article

The article was submitted September 21, 2025;
approved after reviewing October 15, 2025;
accepted for publication November 21, 2025.

The specifics of shadow activity manifestation in the modern economy and methods of its minimisation

Svetlana V. Zenchenko

North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia

© Зенченко С. В., 2025

Abstract:

Introduction. Countering the shadow economy in the context of the active development of digital platforms requires an algorithm for selecting tools that takes into account potential behavioural responses of taxpayers to the actions of regulatory authorities. This algorithm has been partially implemented in the process of introducing a risk-oriented approach into the tax administration mechanism. Currently, compliance with tax legislation is an individual choice influenced by a set of network interactions and the external environment. **Methods.** In the article, data from national fiscal authorities were used to assess informal employment in the platform economy, and a retrospective analysis method was employed to analyse the impact of the COVID-19 pandemic on taxpayer behaviour and the actions of tax authorities. **Results.** The emergence of the platform economy and the consequences of the COVID-19 pandemic have shown that simply introducing control tools or tightening the existing tax administration system to improve tax discipline and reduce the scale of the shadow economy is ineffective. The combination of direct and indirect tools available to the government needs to be integrated into a unified mechanism designed for the long term. Public modalities can be implemented to stimulate and legitimise relationships with tax authorities based on the creation of public partnerships that provide financial incentives. The organisation of access to such incentives should take into account the possibility of abuse of tax benefits. Competition among digital platforms is an effective tool in the arsenal of tax authorities for mobilising tax revenues by reducing the scale of the shadow economy. Financial incentives to increase or develop client bases are particularly relevant, especially for small enterprises that can compete in narrow markets with low profitability, as they possess high adaptability to technological changes and innovations and can become a strong legitimising force for tax authorities seeking to diminish the benefits of tax evasion schemes using digital platforms.

Keywords:

shadow economy,
platform economy,
tax control,
tax administration

For citation:

Zenchenko, Svetlana V. 2025. "Spetsifika proyavleniya tenevoy aktivnosti v sovremennoy ekonomike i metody yeye minimizatsii" ["The specifics of shadow activity manifestation in the modern economy and methods of its minimisation"] (In Russ.). *Ekonomiceskaya politika i natsional'naya bezopasnost'* [Economic policy and national security] 2, no. 2 (November):53–63.

Information about the author:

Zenchenko S. V. – Doc. Sci. (Econom.), Professor
North-Caucasus Federal University
(1, Pushkina str., Stavropol, 355017, Russian Federation)
Professor of the Department of Finance and Credit
zen_sveta@mail.ru

ВВЕДЕНИЕ

Неформальная экономика проявляется не только в двусторонних трудовых отношениях между работодателем и работником, но и между поставщиком и потребителем. Теневая активность также происходит в рамках трехсторонних отношений, что особенно хорошо видно в платформенной экономике, где есть цифровая платформа, пользователь / клиент и отдельный поставщик услуг/работник.

Платформенная экономика, иногда называемая экономикой обмена или совместной, относится к цифровым платформам или приложениям, которые облегчают согласование спроса и предложения самого широкого спектра товаров и услуг. Первоначально данная концепция имела некоммерческий оттенок, но крупные предприятия в различных секторах, особенно в сфере услуг, создавали новые коммерческие бизнес-модели в рамках данных цифровых технологий, бросая вызов традиционным поставщикам в их секторах.

С учетом этого противодействие теневой экономике в условиях активного развития теневых платформ предполагает такой отбор инструментов, который будет учитывать возможные поведенческие реакции налогоплательщиков на действия контролирующих органов. Необходимо отметить, что данный подход частично реализован в процессе внедрения в механизм налогового администрирования риск-ориентированного подхода.

Выделяют четыре базовых типа поведения налогоплательщиков – приверженность, капитуляция, сопротивление и отстранение (Engel et al. 2020). Их учет позволяет представить рациональный выбор как «релевантное окно», через которое можно рассмотреть различные виды преступного поведения, связанные с теневой экономикой.

Для тех налогоплательщиков, которые готовы соблюдать законодательство практически всегда, целесообразно использовать четыре основных элемента:

– адаптивный контроль действий налогоплательщиков для того, чтобы профилактика оказалась важнее принуждения;

- создание партнерств для устранения рисков;
- использование сервисориентированных наборов инструментов во взаимодействии фискальных органов и налогоплательщиков;
- селективное реагирование на изменение поведения в соответствии с пирамидой право-применения и акцентом на досудебном решении проблем.

Для данной категории соблюдение налогового законодательства может быть индивидуальным выбором, на который влияет набор сетевых взаимодействий и внешняя среда. Поэтому фокус налогового органа должен быть направлен на устранение неопределенности и акцентирование внимания на повышении налоговой морали. Это связано с тем, что при обсуждении неформальной занятости в платформенной экономике в основном, хотя и не исключительно, рассматривают цифровые платформы фрилансеров, которые являются частными интернет-компаниями и выступают в качестве посредников в предоставлении услуг по требованию для индивидуальных или корпоративных потребителей.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Для того чтобы оценить, в какой степени в платформенной экономике распространена неформальная занятость, в опросе Европарометра¹ 2019 года респондентам, занятым в теневом секторе, был задан следующий вопрос: «*Был ли какой-либо из данных видов деятельности организован через мобильное приложение? – приложение – или онлайн-инструмент, или специализированный веб-сайт?*». По результатам опроса:

- 11 % работодателей в теневом секторе использовали совместные платформы для продажи своих товаров и услуг;
- 4 % всех неформальных работников использовали платформы для организации своей работы;
- 7 % использовали совместные платформы для поиска неформальной работы;
- 36 % тех, кто использует цифровые платформы для организации неформальной деятельности, всю свою теневую активность осуществляют через них.

На основе полученных данных исследователи сделали вывод, что в Европе около 10 % теневой активности приходится на цифровые платформы, но не до конца ясно, какие виды неформальной работы организуются через них. При этом нет никаких оснований предполагать, что пользователи цифровых платформ с большей вероятностью будут использовать неформальную занятость, чем работодатели, не использующие их. То же самое касается квазиофициальной занятости, но не самозанятых.

Однако существует позиция, что цифровые платформы увеличивают использование и распространение фиктивной самозанятости. Поскольку платформы являются посредниками между поставщиками услуг и пользователями, во многих судебных делах главным был вопрос, являются ли поставщики услуг на цифровых платформах самозанятыми или сотрудниками компаний, которой принадлежит платформа (*Cai et al. 2021*).

Если стандарты предоставляемых услуг или их цена определяются платформой, то имеют место:

- экономическая зависимость, связанная с получением работником дохода от одного или преимущественно от одного работодателя;
- личная зависимость, проявляющаяся в подчинении и отсутствии полномочий в отношении методов и содержания работы, а также времени и места работы.

Поенным формальным признакам поставщики услуг могут считаться фиктивными самозанятыми. Во всем мире в последнее время судебные и законодательные органы классифицируют работу на платформах как зависимую оплачиваемую работу, а не как самозанятость, что в некоторых случаях приводит к тому, что цифровые платформы уходят из национальных юрисдикций. Однако, несмотря на то, что как в средствах массовой информации, так и в научной литературе уделяется большое внимание взаимосвязи между совместной экономикой

¹ Standard Eurobarometer 92 – Autumn 2019 // European Union : [website]. URL: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2255> (дата обращения: 25.08.2025).

и фиктивной самозанятостью, это не единственная форма теневой активности, которой способствуют цифровые платформы.

Цифровые платформы косвенно способствуют росту неформальной активности среди самозанятых, т. к. они позволяют разбить более крупные задачи на более мелкие, а также упрощают поиск рынков для своих услуг в неформальной экономике. Цифровые платформы также увеличивают масштабы теневой экономики в силу наличия пробелов в законодательстве и неоднозначных регламентов ведения деятельности (Молодых 2025):

- отсутствие четких указаний относительно классификации деятельности самозанятых на цифровых платформах;
- нечеткие указания относительно того, нужно ли декларировать результаты деятельности для целей налогообложения, социального обеспечения и/или соблюдения трудового законодательства;
- сложные процедуры декларирования услуг, предоставляемых через цифровые платформы.

В качестве наиболее распространенных проблем предприниматели, ведущие деятельность на цифровых платформах, указывают [Сагинова и др. 2022]:

- отсутствие ясности в отношении того, что требуется для законного предоставления услуг;
- сложность системы уплаты налогов;
- на то, что легально оказывать услуги трудно;
- юридическую неясность статуса их занятости.

Еще одно трехстороннее трудовое отношение, которое ведет к участию в неформальной экономике, связано с агентствами по временному труду/трудоустройству (далее – АВТ). В данной схеме участвуют три стороны: АВТ, работодатель и работник. Работник заключает трудовой договор с АВТ с целью его назначения в компанию, где он будет временно работать. Трудовой договор имеет ограниченный или неопределенный срок без гарантии продолжения и не основан на намерении работать на одном и том же предприятии на постоянной основе. Предприятие платит вознаграждение агентству, которое в свою очередь выплачивает заработную плату работнику.

Многие трудовые отношения, которые устанавливают АВТ, целиком соответствуют законодательству и являются полностью официальной занятостью. В странах, где АВТ эффективно функционируют, распространность неформальной занятости ниже. Это связано с тем, что в таких условиях предприятия могут легче удовлетворить свои потребности во временной и циклической рабочей силе, обратившись к посредникам. В результате у работодателей пропадают стимулы обращаться к неформальной экономике в поисках временной рабочей силы.

Тем не менее трехсторонние трудовые отношения в рамках платформенной экономики также могут привести к росту масштабов теневой экономики следующими способами:

- между работником и АВТ действует квазиформальное трудоустройство, когда агентство выплачивает работнику заработную плату в конверте, чтобы снизить налоги и расходы на социальное обеспечение, без явного участия или уведомления работодателя;
- между рабочим и работодателем заключается устное соглашение о занижении рабочего времени, сообщаемого агентству, чтобы сэкономить на сборах и выплатить работнику зарплату в конверте за оставшееся отработанное время;
- между работодателем и агентством согласовывается скрытие полного объема выполненных работ путем фальсификации данных.

До сих пор не проводилось исследований о том, какие практики неформальной активности через реализацию трехсторонних отношений являются наиболее распространенными. Тем не менее существуют данные о некоторых из схем, которые активно используются в различных отраслях:

- нелицензированные сельскохозяйственные бригады (Angioni 2016);
- поставщики рабочей силы в строительной отрасли, предоставляющие незарегистрированных рабочих, нанятых неофициально (Варшавская и Донова 2012);
- сезонные рабочие или поденщики (Бабышев 2021).

Например, в Италии существует система “*caporale*”, в соответствии с которой бригадир нанимает рабочих и доставляет их к месту работы. Рабочие нанимаются каждый день в известных общественных местах, таких как деревенские и городские площади, посредник устанавливает условия найма и цену, а фермер платит ему заработную плату плюс комиссию ([Angioni 2016](#)).

В целом трехсторонние трудовые отношения, заключаемые на цифровых платформах с участием АВТ, работодателей и работников, могут способствовать росту неформальной экономики. Однако точные формы теневой активности и ее масштабы неизвестны.

В период пандемии COVID-19 особенно актуальными стали схемы сохранения занятости путем предоставления предприятиям финансовой поддержки для временного сокращения рабочего времени официальных работников или приостановки их работы с сохранением заработной платы за счет государственного финансирования, покрывающего неотработанные часы². Содержание таких схем сохранения занятости различалось по странам, например, с точки зрения критериев, используемых для определения того, может ли работодатель получить доступ к такой поддержке. Инициативы по краткосрочной финансовой поддержке применялись только к тем, кто занят в официальной экономике. Неформальные работники и предприятия не имели полного или частичного доступа к краткосрочной финансовой поддержке, предоставляемой государством зарегистрированным предприятиям и формальным работникам:

- незарегистрированные предприятия были полностью исключены из доступа к такой краткосрочной финансовой поддержке, как и официальные предприятия, которые декларируют лишь часть своей работы и доходов;

- только зарегистрированные предприятия и независимые работники смогли получить доступ к краткосрочной финансовой поддержке, что позволило им компенсировать дефицит их заявленного оборота или прибыли, а также не увольнять официальных сотрудников.

Что касается различных видов неформальных трудовых отношений, следует отметить:

- фиктивные самозанятые были исключены из финансовой поддержки наемных работников, но имели доступ к любой финансовой поддержке, предоставляемой им;

- работники, занятые в квазиформальной занятости, как правило, получали более низкие выплаты в рамках схем краткосрочного сохранения рабочих мест, чем в случае декларирования полной заработной платы;

- незарегистрированные сотрудники были полностью исключены из краткосрочной финансовой поддержки сотрудников.

В зависимости от системы социального страхования во многих странах самозанятых в теневом секторе также часто исключали из социальных пособий, хотя в отдельных странах была усиlena социальная защита, например, путем введения временного увеличения пособий по безработице и ослабления правил по их получению.

Помимо исключения неформальных предприятий и работников из краткосрочной финансовой поддержки, еще одной проблемой является злоупотребление схемами краткосрочного сохранения занятости со стороны работодателей, что привело к появлению новых видов теневой активности в период пандемии. Данные виды неформальной занятости, возникающие в результате злоупотребления схемами сохранения занятости и краткосрочной финансовой поддержки, в значительной степени связаны с «фиктивным заявлением о приостановке работы». К новым видам неформальной занятости, возникающим в результате злоупотреблений схемами сохранения занятости, относятся следующие схемы.

1. Работодатели требуют государственной поддержки для временного приостановления действия контрактов с их работниками, а далее:

- сотрудники работают нормально, не зная, что работодатель планирует приостановить с ними сотрудничество;

- сотрудники (для которых запрашивается поддержка) переходят полностью в теневой сектор либо начинают получать заработную плату в конвертах;

² Tax and fiscal policies after the COVID-19 crisis // OECD (Organisation for Economic Co-operation and Development) : [website]. URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2021/10/tax-and-fiscal-policies-after-the-covid-19-crisis_886d45f6/5a8f24c3-en.pdf (дата обращения: 25.08.2025).

- нанимаются новые работники;
- подаются заявки на поддержку с более высоким уровнем заработной платы, чем тот, который в реальности получают сотрудники.

2. Работодатели претендуют на «призрачного» работника, такого как уволенный или несуществующий.

3. Работодатели и/или работники претендуют на несколько форм поддержки, когда они имеют право только на одну.

Во Франции более миллиона компаний заявили о поддержке временной приостановки трудовых договоров для более чем 13 млн сотрудников. Опрос 34 000 сотрудников, проведенный в 2020 году, показал, что 31 % из них продолжали работать в обычном режиме, несмотря на получение такой поддержки, а 24 % были вынуждены продолжать свою деятельность по требованию своего работодателя ([Goutte et al. 2020](#)).

В Великобритании мошенничество и ошибки оцениваются в 5,5 млрд фунтов стерлингов в рамках схемы сохранения занятости, схемы поддержки доходов самозанятых и схемы «Ешь вне дома, чтобы помочь», причем 4 млрд фунтов стерлингов относятся только к схеме сохранения занятости. Еще 490 млн фунтов стерлингов (2,5 % от общей суммы присужденных средств) были потеряны из-за мошеннических или неверных требований в рамках схемы поддержки доходов самозанятых. Изучая схему возврата кредитов для предприятий в Великобритании, которые предоставляли кредиты на сумму до 50 000 фунтов стерлингов, или максимум 25 % годового оборота для поддержки бизнеса, четверть всех британских предприятий подали заявки на участие в схеме, а 11 % кредитов на сумму 4,9 млрд фунтов стерлингов были признаны мошенническими ([Nicola et al. 2020](#)).

Помимо появления новых видов неформальности и мошенничества, связанных со схемами краткосрочной финансовой поддержки, появились новые нарушения трудовых прав, которые не признавались и не защищались законодательством до пандемии. Примером могут служить обязанности работодателей и права работников в отношении удаленной работы. С расширением деятельности мобильных предприятий общественного питания и доставки на дом на первый план вышли новые формы предоставления услуг и бизнес-модели, в которых неформальная занятость, вероятно, будет занимать видное место. Примером может служить возникновение «виртуальных ресторанов» или «облачных кухонь», которые производят блюда исключительно для доставки через систему онлайн-заказов. Они избегают правил, применимых к ресторанам и еде на вынос, также существуют серьезные опасения по поводу условий труда кухонного персонала, а также работников службы доставки.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Появление новых видов неформальной занятости и теневой активности в рамках развития платформенной экономики и в период пандемии COVID-19 потребовало трансформации действующей системы налогового администрирования и дополнения риск-ориентированного подхода новыми методами взаимодействия налогоплательщиков и фискальных органов, основанными на мерах стимулирования добровольного исполнения законодательства и повышении уровня налоговой дисциплины в обществе.

В настоящее время преобладает позиция, что доверие и власть являются важными факторами борьбы с теневой активностью как в развитых, так и развивающихся странах ([Frey and Torgler 2007](#)). Например, в странах:

- где налоговые органы воспринимаются как доброжелательные и способствующие максимизации общественного блага, зафиксирован самый высокий уровень налоговой дисциплины;
- где считается, что налоговые органы эффективно контролируют действия налогоплательщиков, регистрируется самые высокий уровень принудительного соблюдения;
- с высоким уровнем доверия ужесточение правоприменения (например, рост штрафов) провоцирует рост масштабов уклонения от уплаты налогов.

Таким образом, результаты исследований позволяют сделать вывод о том, что:

- экономические агенты следуют формальным правилам игры, потому что боятся штрафов и других санкций в результате выявления факта уклонения от уплаты налогов;

– чувствуют необходимость соблюдать правила игры и быть честными, т. к. у них есть доверие к государству.

Необходимость интеграции контролирующих и стимулирующих функций в единую систему налогового администрирования в настоящее время признана в многих странах, в т. ч. и в Российской Федерации. Как отмечает Организация экономического сотрудничества и развития (далее – ОЭСР), национальные фискальные органы пришли к консенсусу в отношении необходимости использования «полной модели операционализации налоговой политики» на основе сочетания инструментов как принудительного, так и добровольного соблюдения законодательства ([OECD 2024](#)).

В подтверждение данных выводов следует отметить результаты, полученные Э. Киршлером и др.:

- тип вмешательства не является сильным предиктором эффективности инструментов, хотя налоговые льготы скорее всего окажут значительный положительный эффект;

- меры, направленные на формализацию занятых, более эффективны, чем меры, направленные на легализацию фирм;

- масштабные и долгосрочные программы борьбы с теневой экономикой (более 24 месяцев) в среднем более эффективны, чем фрагментарные действия и краткосрочные селективные вмешательства ([Kirchler et al. 2008](#)).

Таким образом, появление платформенной экономики и последствия пандемии COVID-19 привели к тому, что простое внедрение инструментов контроля или ужесточение действующей системы налогового администрирования для повышения уровня налоговой дисциплины и сокращения масштабов теневой экономики неэффективно. Совокупность прямых и косвенных инструментов, имеющихся в распоряжении государства, необходимо интегрировать в единый механизм, действие которого рассчитано на долгосрочную перспективу.

Первым и наиболее распространенным видом санкций, который используется правоохранительными органами для сдерживания участия в неформальной экономике, являются штрафы. Данный тип санкций существует во всех странах мира и включает в себя наложение штрафов:

- на предприятия, нанимающие неформальных работников;
- на самозанятых лиц;

- на работодателей, которые, как установлено, участвуют в теневой экономике.

Их размер прописан в законодательстве и может иметь верхний и нижний пределы для различных видов неформальной активности.

Предполагается, что такие санкции служат сдерживающим фактором для тех, кто рассматривает возможность участия в теневой экономике. Их уровень должен быть пропорционален масштабу нанесенного ущерба и сопоставляться с другими преступными деяниями: за серьезные нарушения или умышленные нарушения могут быть вынесены строгие санкции, а за непреднамеренные ошибки, а также незначительные нарушения – более легкие. Санкции по сдерживанию участия в неформальной экономике могут включать:

- прогрессивные шкалы для рецидивистов;
- снижение штрафов за досрочную уплату штрафов;
- замену штрафов обучением руководителей и персонала.

Санкции могут быть довольно гибким инструментом и способствовать формализации, что можно продемонстрировать на системе санкций, принятой Управлением труда Греции ([Poulimenakos et al. 2021](#)). До введения новых санкций в 2018 году существовала обычная система штрафов. Когда инспектор обнаруживал, что работодатель использует незарегистрированных работников, то он мог наложить административный штраф:

- в размере 10 549 евро для работников старше 25 лет;
- 9 197 евро для работников в возрасте до 25 лет;

- в случае повторных правонарушений со стороны работодателя помимо штрафов могло быть назначено наказание в виде закрытия компании.

Признавая, что закрытие предприятий не способствует поощрению формализации, Управление труда Греции ввело новую систему санкций. Штраф для работодателей составляет

10 500 евро за каждого незарегистрированного работника. Однако если работодатель нанимает их в течение десяти дней в качестве зарегистрированных сотрудников:

- на три месяца, штраф уменьшается до 7 000 евро;
- на шесть месяцев – 5 000 евро;
- на год или более – 3 000 евро.

В 2017 году, до введения этой новой системы штрафов, только 32 % выявленных незарегистрированных работников впоследствии были наняты работодателем в качестве официальных сотрудников (70 % на неполный рабочий день и 30 % на полный рабочий день). За шестимесячный период после ее введения 45 % выявленных незарегистрированных работников были наняты работодателем в качестве зарегистрированных работников на полный рабочий день, причем 91 % были приняты на работу на год и более (Poulimenakos et al. 2021).

Еще одним примером санкций, стимулирующей процессы формализации, является переквалификация трудовых отношений при выявлении фиктивной самозанятости. Это происходит, когда трудовые отношения объявляются недействительными, а их статус с момента начала изменяется на работу по найму. В этом случае все права (включая минимальную зарплату и пенсионные отчисления), связанные с реальными договорными отношениями, распространяются на работника, как если бы они были правильно обозначены с самого начала трудовых отношений, а все расходы, связанные с этим, несет работодатель. Данная практика активно используется в странах Европейского Союза одновременно с доначислениями по итогам принудительной переквалификации трудовых отношений и может быть рекомендована к внедрению на территории Российской Федерации.

Нарушители налогового законодательства могут быть подвергнуты дополнительным санкциям, например, лишению их права участвовать в торгах по контрактам на государственные закупки, что является основным источником финансирования малого и среднего бизнеса во многих странах. К таким предприятиям также могут быть применены санкции, ограничивающие им доступ к бюджетным субсидиям. В Европейском Союзе исключают фермерские хозяйства из субсидий в рамках общей сельскохозяйственной политики, если они нарушают права трудающихся и участвуют в теневой экономике. Цель состоит в том, чтобы предотвратить неформальную занятость и повысить стандарты труда в сельском хозяйстве (OECD 2024).

Бизнес также может быть подвергнут санкциям путем отзыва их лицензий для ведения хозяйственной деятельности. Однако, как отмечает Б. Фридман, в отдельных сферах деятельности, например, в такси или рыночной торговли, отзыв лицензии, наоборот, будет способствовать уходу в теневой сектор экономики (Friedman and Hall 2014).

Сокращению масштабов теневой экономики в платформенной экономике, где особенно велика доля самозанятых, также способствует введение инициатив, связанных с консультационной поддержкой максимального широкого круга налогоплательщиков в отношении соблюдения налогового, социального и трудового законодательства. В Бельгии, начиная с 2015 года, проводятся так называемые консультативные инспекции, расписание которых размещается на веб-сайтах участвующих министерств и ведомств за две недели до их начала. Обычно в них участвуют все контролирующие органы в секторах, где преобладает теневая экономика и неформальная занятость (например, такси, рестораны, строительство, автомобильный транспорт, гостиничный бизнес) (OECD 2024). Полученные результаты не позволяют говорить о наличии положительного эффекта, т. к. в ходе проведения консультационных проверок был выявлен ряд недостатков:

- необходимость рекламного продвижения данных мероприятий;
- недостаточная квалификация инспекторов для оказания консультационных услуг;
- потребность в более удобных форматах проведения консультационных проверок.

Схемы добровольного раскрытия информации позволяют физическим и юридическим лицам, выходящим из тени, отменять или уменьшать размер штрафов, которые применялись бы в случае, если факт уклонения от уплаты налогов был выявлен контролирующими органами. Такие схемы также могут предусматривать введение стимулов, а не освобождение от наказания налогоплательщиков, добровольно раскрывающих информацию о своем участии в неформальной экономике.

Данный инструмент не показал большой эффективности, поэтому на практике используется довольно редко. Например, в Великобритании использовалась схема добровольного раскрытия информации, предложенная предприятиям, которые не были зарегистрированы для уплаты налога на добавленную стоимость (далее – НДС). Это дало им возможность зарегистрироваться, при этом штрафы отменялись, если они соблюдали законодательство в дальнейшем в течение года. Стоимость рекламы данной схемы составила 500 000 фунтов стерлингов, а выпадающие бюджетные доходы в виде неуплаченных штрафов оценивались в 2,7 млн фунтов стерлингов. В результате было привлечено 11,4 млн фунтов стерлингов в виде налогов и процентов. Около 55 % компаний впоследствии не представили декларацию по НДС, что привело к наложению штрафов на сумму 2,5 млн фунтов стерлингов ([OECD 2024](#)).

Особенно активно схема добровольного раскрытия информации использовалась во время пандемии COVID-19, когда во многих странах она была запущена в обмен на краткосрочную финансовую поддержку, доступную компаниям в официальной экономике. Успешность данных действий была обусловлена наличием тяжелых кризисных условий для неформальных предприятий, работодателей и работников и стала главным стимулом для официального оформления и раскрытия своих предыдущих правонарушений.

Одной из особенностей платформенной экономики является легкость входа на рынок, при этом фрилансеры, оформленные как самозанятые, не всегда начинают новый бизнес на законных основаниях. Вместо этого они часто реализуют свои идеи полностью или частично в теневой экономике, переходя в официальный сектор в случае необходимости, например, расширения бизнеса. Одна из мер по формализации новых предпринимателей применяется в отношении безработных, желающих стать самозанятыми. По результатам Ф. Шнайдера, из 30 обследованных европейских стран 22 использовали инструменты, облегчающие получение безработными статуса самозанятых ([Schneider et al. 2015](#)). Например, в Германии стартовый взнос облегчает данную процедуру за счет введения дополнительного к пособию по безработице ежемесячного пособия в размере 300 евро в течение первых шести месяцев. Если по истечении данного срока самозанятый продолжает работать, то он получает дополнительные 300 евро еще в течение девяти месяцев. В результате ежегодно регистрируется около 120 000 получателей пособия по безработице, так как они считают данную схему простой и прозрачной ([Schneider et al. 2015](#)).

Таким образом, рассмотренные схемы противодействия росту масштабов теневой экономики в условиях появления новых секторов экономики помогают не только сгладить социальное напряжение в обществе и на рынке труда, но и избежать ухода безработных в теневой сектор за счет стимулирования их перехода на цифровые экономические платформы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Учитывая масштаб неопределенности, вызванный появлением платформенной экономики и последствиями пандемии COVID-19, одним из самых необходимых видов регулирующей деятельности является использование инструментов надзора и мониторинга для выявления экономических агентов, занятых в неформальном секторе, а также стимулирования роста налоговой дисциплины. Такие механизмы важны для предоставления налоговым органам большей определенности как относительно размера и масштаба проблемы, так и количественно измеримых рисков для лучшего применения селективных инструментов в рамках риск-ориентированного подхода.

В байесовской экономике, а также в игровых теоретических моделях было показано, что рост масштабов теневой экономики обусловлен наличием неполной и несовершенной информации со стороны регулирующего органа, т. к. это ограничивает свободу действий и предоставляет субъектам больше возможностей для неформальной деятельности. Такая асимметрия информации является существенным фактором для платформенной экономики, поскольку потребители получают дополнительные возможности выбирать, с кем взаимодействовать:

- с официальным сектором, который предоставляет товары и услуги по более высокой цене, но с гарантией качества и с минимумом дополнительных издержек;

– с теневым сектором, где цены ниже, но качество товаров и услуг хуже, а их ассортимент ограничен.

Аналогичным образом происходит выбор на рынке труда, поэтому в платформенной экономике поведение экономических агентов может перейти к саморегулированию. Когда большое количество действующих лиц конкурируют за долю рынка, существует финансовый стимул в получении новых клиентов, поэтому любое регулирующее решение, которое связывает потенциальных клиентов с соответствующим поведением или повышением репутации, с большей вероятностью повысит долю законопослушных налогоплательщиков.

Результаты исследования также показали целесообразность включения в методы противодействия теневой активности нормативных требований с опорой как на внутренние, так и на внешние факторы, связанные с цифровыми платформами. Они могут как стимулировать, так и дестимулировать законопослушное поведение налогоплательщиков, влияя на их восприятие в более широком масштабе путем сравнения с другими классами или обществом в целом. Такое восприятие может быть:

- объективно обосновано, т. е. налогоплательщик уверен, основываясь на достоверных доказательствах, что другая категория получает несправедливое или незаконное преимущество;
- субъективно обосновано, т. е. налогоплательщик считает, что другая группа получает несправедливое или незаконное преимущество, даже если это восприятие искажено или не соответствует действительности.

Общественные модальности могут быть реализованы для стимулирования и легитимизации отношений с налоговыми органами за счет того, что неформальные субъекты признают правонарушение до того, как данный факт станет известен общественности. В этом случае налоговые органы рассмотрят возможность применения различных форм иммунитета или снижения размера санкций по сравнению со стандартным штрафом. Общественные партнерства также могут быть связаны с финансовыми стимулами, хотя налоговым органам необходимо проявлять осторожность, чтобы доступ к таким финансовым стимулам не воспринимался как лазейка для получения финансовой выгоды в виде налоговых льгот.

Таким образом, конкуренция между цифровыми платформами является действенным инструментом в арсенале налоговых органов для мобилизации налоговых поступлений за счет сокращения масштабов теневой экономики. Финансовые стимулы для увеличения или развития клиентуры актуальны особенно для малых предприятий, которые могут конкурировать на узких рынках с небольшой рентабельностью. Кроме того, они могут быть очень гибкими к технологическим изменениям и инновациям, а также стать мощной легитимирующей силой для налоговых органов, стремящихся уменьшить выгоду от схем уклонения от уплаты налогов с использованием цифровых платформ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

- Бабышев В. Ю. Трансформация режимов занятости: анализ мирового опыта // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 6 (95). С. 69–78. <https://doi.org/10.24158/pep.2021.6.9>
- Babyshev, Vyacheslav Yu. 2021. "Transformaciya rezhimov zanyatosti: analiz mirovogo opyta." [“Transformation of employment regimes: an analysis of global experience”] (In Russ.) *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo [Society: politics, economics, law]* 95, no. 6 (June):69–78. <https://doi.org/10.24158/pep.2021.6.9>
- Варшавская Е. Я., Донова И. В. Неформальная занятость по найму: грани явления // Известия Байкальского государственного университета. 2012. № 6. С. 130–135.
- Varshavskaya, Elena Ya., and Inna V. Donova. 2012. "Neformal'naya zanyatost' po najmu: grani yavleniya" [“Informal employment for hire: facets of the phenomenon”] (In Russ.) *Izvestiya Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta [Proceedings of the Baikal State University]*, no. 6 (December):130–5.
- Молодых В. А. Влияние цифровизации экономического пространства на динамику теневой экономики // Вестник Академии знаний. 2025. № 2 (67). С. 433–437.
- Molodyh Vladimir A. 2025. "Vliyanie cifrovizacii ekonomicheskogo prostranstva na dinamiku tenevoj ekonomiki" [“The impact of digitalization of the economic space on the dynamics of the shadow economy”] (In Russ.) *Vestnik Akademii znanij [Bulletin of the Academy of Knowledge]* 67, no. 2 (June):433–7.
- Сагинова О. В., Завьялов Д. В., Завьялова Н. Б. Готовность предпринимателей к цифровой трансформации бизнеса / Цифровая трансформация экономических систем: проблемы и перспективы (ЭКОПРОМ-2022) : сборник

трудов VI Всероссийской научно-практической конференции с зарубежным участием, г. Санкт-Петербург, 11–12 ноября 2022 г. Санкт-Петербург : ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2022. С. 223–226.

Saginova, Olga V., Dmitry V. Zav'yalov, and Nadezhda B. Zav'yalova. 2022. "Gotovnost' predprinimatej k cifrovoj transformacii biznesa" ["Entrepreneurs' readiness for digital business transformation"] (In Russ.). In: *Cifrovaya transformaciya ekonomicheskikh sistem: problemy i perspektivy (EKOPROM-2022)* [Digital transformation of economic systems: problems and prospects (ECOPROM-2022)] 223–6. Saint Petersburg : POLITEKH-PRESS.

Angiuoni S. A comparative study of informal labour intermediation and workforce reproduction practices in Italy and the U.K. A research in progress // *Cartografie sociali*. 2016. Vol 2. No. 1. P. 261–285.

Angiuoni, Sara. 2016. "A comparative study of informal labour intermediation and workforce reproduction practices in Italy and the UK A research in progress." *Cartografie sociali* 2, no. 1 (November):261–85.

Cai Y. [et al.]. Depressive Symptoms Among Chinese Informal Employees in the Digital Era // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2021. Vol. 18. Is. 18:5211. <https://doi.org/10.3390/ijerph18105211>

Cai, Yang, [et al.]. 2021. "Depressive symptoms among Chinese informal employees in the digital era." *International Journal of Environmental Research and Public Health* 18, no. 10 (May):5211. <https://doi.org/10.3390/ijerph18105211>

Engel C., Mittone L., Morreale A. Tax Morale and Fairness in Conflict an Experiment // *Journal of Economic Psychology*. 2020. Vol. 81. P. 102–124. URL: https://www.researchgate.net/publication/331320449_Tax_Morale_and_Fairness_in_Conflict_-_An_Experiment

Engel, Christoph, Luigi Mittone, and Azzurra Morreale. 2020. "Tax morale and fairness in conflict an experiment." *Journal of Economic Psychology* 81 (February):102314. URL: https://www.researchgate.net/publication/331320449_Tax_Morale_and_Fairness_in_Conflict_-_An_Experiment

Frey B., Torgler B. Tax Morale and Conditional Cooperation // *Journal of Comparative Economics*. 2007. Vol. 35. No. 1. P. 136–159. <https://doi.org/10.1016/j.jce.2006.10.006>

Frey, Bruno S., and Benno Torgler. 2007. "Tax morale and conditional cooperation." *Journal of comparative economics* 35, no. 1 (February):136–59. <https://doi.org/10.1016/j.jce.2006.10.006>

Friedman B., Sah S. The Relationship Between Effective Governance and the Informal Economy // *International Journal of Business and Social Science*. 2014. Vol. 5. No. 9. P. 51–58. <https://doi.org/10.1108/MEDAR-06-2022-1706>

Friedman, Barry A., and R. Hall. 2014. "The relationship between effective governance and the informal economy." *International Journal of Business and Social Science* 5, no. 9 (August):51–8. <https://doi.org/10.1108/MEDAR-06-2022-1706>

Goutte S., Péran T., Porcher T. The role of economic structural factors in determining pandemic mortality rates: evidence from the COVID-19 outbreak in France // *Research in International Business and Finance*. 2020. Vol. 54. P. 101281. <https://doi.org/10.1016/j.ribaf.2020.101281>

Goutte, Stéphane, Thomas Péran, and Thomas Porcher. 2020. "The role of economic structural factors in determining pandemic mortality rates: evidence from the COVID-19 outbreak in France." *Research in International Business and Finance* 54 (June):101281. <https://doi.org/10.1016/j.ribaf.2020.101281>

Kirchler E. Hoelzl E., Wahl I. Enforced Versus Voluntary Tax Compliance: the "Slippery Slope" Framework // *Journal of Economic psychology*. 2008. Vol. 29. No. 2. P. 210–225. <https://doi.org/10.1016/j.jeop.2007.05.004>

Kirchler, Erich, Erik Hoelzl, and Ingrid Wahl. 2008. "Enforced versus voluntary tax compliance: The "slippery slope" framework." *Journal of Economic psychology* 29, no. 2 (April):210–25. <https://doi.org/10.1016/j.jeop.2007.05.004>

Nicola M. [et al.]. The Socio-Economic Implications of the Coronavirus Pandemic (COVID-19): A Review // *International journal of surgery*. 2020. Vol. 78. P. 185–193. <https://doi.org/10.1016/j.ijsu.2020.04.018>

Nicola, Maria, [et al.]. 2020. "The socio-economic implications of the coronavirus pandemic (COVID-19): A review." *International journal of surgery* 78 (June):185–93. <https://doi.org/10.1016/j.ijsu.2020.04.018>

Poulimenakos G. [et al.]. "The Greek Crisis Ends here Tonight": A Qualitative Study of Labor Market Deregulation in Greece Beyond the "Crisis" Paradigm // *Journal of Labor and Society*. 2021. Vol. 24. No. 2. P. 261–281. <https://doi.org/10.1163/24714607-bja10004>

Poulimenakos, Giorgos, [et al.]. 2021. "'The Greek Crisis Ends here Tonight': A qualitative study of labor market deregulation in Greece beyond the "Crisis" paradigm." *Journal of Labor and Society* 24, no. 2 (May):261–81. <https://doi.org/10.1163/24714607-bja10004>

OECD. *Tax Administration 2024 : Comparative Information on OECD and Other Advanced and Emerging Economies*. Paris : OECD Publishing, 2024. 205 p.

OECD. 2024. "Tax Administration 2024: Comparative Information on OECD and Other Advanced and Emerging Economies." 205. Paris : OECD.

Schneider F., Raczkowski K., Mróz B. Shadow Economy and Tax Evasion in the EU // *Journal of Money Laundering Control*. 2015. Vol. 18. No. 1. P. 34–51. <https://doi.org/10.1108/JMLC-09-2014-0027>

Schneider, Friedrich, Konrad Raczkowski, and Bogdan Mróz. 2015. "Shadow economy and tax evasion in the EU." *Journal of Money Laundering Control* 18, no. 1 (January):34–51. <https://doi.org/10.1108/JMLC-09-2014-0027>